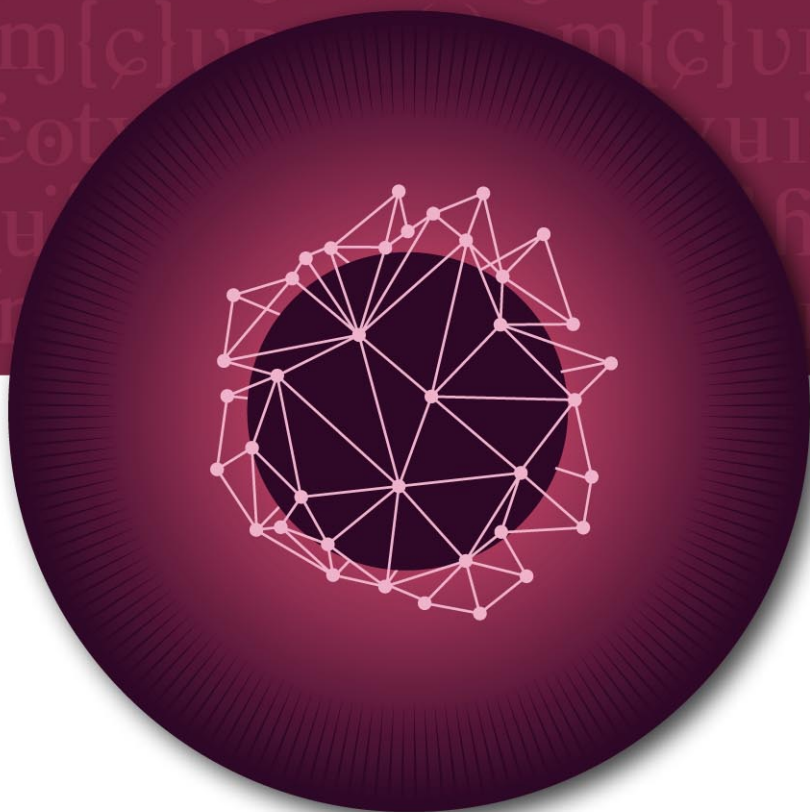

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

А.В. Колмогорова

О.Н. Варламова

**ЖЕНЩИНА В СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ МАТЕРИ**

(на материале русского и французского языков)

УДК 811.161.1:316.77-055.2

ББК 81.411.2+60.542.21

К608

Рецензенты:

Л.Г. Ким, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»;

Н.Н. Шильная, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

Колмогорова, А.В.

К608

Женщина в семейной коммуникации: речевой портрет матери (на материале русского и французского языков) : монография / А.В. Колмогорова, О.Н. Варламова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 208 с.

ISBN 978-5-7638-4055-1

Исследованы речевые характеристики женщины в социально-релевантной роли матери на материале русского и французского языков.

Предназначена специалистам по коммуникативной лингвистике, этнопсихолингвистике, онтолингвистике, а также психологам, логопедам и всем, кто интересуется вопросами семейной коммуникации.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 811.161.1:316.77-055.2
ББК 81.411.2+60.542.21

ISBN 978-5-7638-4055-1

© Сибирский федеральный университет, 2019

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения речи женщины в социальной роли матери	9
1.1. Понятия языковой, речевой и коммуникативной личности в лингвистике	9
1.2. Методология речевого портретирования в современной лингвоперсонологии	20
1.2.1. Языковая личность и ее речевой портрет	20
1.2.2. Методологические подходы к речевому портретированию ...	22
1.2.3. Типологии речевых портретов	25
1.3. Женщина в социальной роли матери с позиции гуманитарных наук	29
1.3.1. Понятие социальной роли	29
1.3.2. Трактовка социальной роли женщины в философии и социологии	32
1.3.3. Изучение социальной роли женщины-матери в психологии и психоанализе	36
1.4. Речевое и коммуникативное поведение матери в лингвистическом аспекте: к истории вопроса	41
Глава 2. Особенности речи женщины в социальной роли матери	52
2.1. Характеристика исследовательского корпуса	52
2.2. Фонетические и просодические особенности речи женщины в социальной роли матери на материале французского и русского языков	55
2.3. Лексические особенности речи женщины в социальной роли матери на материале французского и русского языков	75
2.3.1. Апеллятивы в общении матери с ребенком	75

2.3.2. Качественно-количественный анализ лексической составляющей материнской речи в различных ситуациях общения	79
2.4. Типы общения в диаде «мать — ребенок» как фактор лексической и фонетической вариативности речи матери (на материале французского и русского языков).....	114
2.5. Грамматические характеристики материнской речи на материале французского и русского языков.....	118
2.5.1. Грамматико-прагматические особенности материнской речи.....	118
2.5.2. Перформативы в общении матери с ребенком.....	122
2.6. Коммуникативные особенности общения матери с ребенком на материале французского и русского языков.....	127
2.7. Сравнительная характеристика «сильной» и «слабой» версии речевого портрета на материале французского и русского языков	135
Глава 3. Прикладные перспективы исследования речевого портрета женщины-матери	145
3.1. Стратегии семантизации лексических единиц родного языка в речи матери, обращенной к ребенку vs стратегии активизации припоминания в общении врача-логопеда и пациента-афатика.....	146
3.2. Речевое поведение матери и формирование социальных чувств гордости и стыда у ребенка.....	159
3.3. Концептуализация и коммуникативная реализация категории субъекта деятельности в повседневном речевом общении русских.....	170
Заключение	181
Список литературы	185

Глава 1

Теоретико-методологические основы изучения речи женщины в социальной роли матери

1.1. Понятия языковой, речевой и коммуникативной личности в лингвистике

XX век ознаменовался сменой научной парадигмы в современном языкознании, которая ставит в центр изучения человека. В этот период зарождается теория языковой личности, изучаются вопросы языковой компетенции личности и механизмы ее речевой деятельности, вводится понятие «речевой портрет личности».

Первое употребление сочетания *языковая личность* принято связывать с именем немецкого ученого Лео Вайсгербера. В книге «Родной язык и формирование духа» Й.Л. Вайсгербер пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [Вайсгербер, 2004: 81].

В отечественной лингвистике разрабатывать данную проблематику впервые начал В.В. Виноградов, он ставил задачу исследования личностей автора и персонажа литературного произведения посредством анализа языковых средств художественного текста [Виноградов, 1959]. Однако ни в работах Л. Вайсгербера, ни в трудах В.В. Виноградова сочетание *языковая личность* не является терминологическим, поскольку авторы не дают научного толкования данному понятию.

В 1980 г. Г.И. Богин одним из первых дал определение понятию «языковая личность» с позиции лингводидактики:

«Центральным понятием лингводидактики является языковая личность — человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность — тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980: 3]. Позднее автор дополнил дефиницию: языковая личность — это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1984: 3].

Наиболее подробно теория языковой личности разработана в трудах Ю.Н. Караулова. Ключевой термин ученый трактует как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 1989: 3–8]. На сегодняшний день это определение является общепринятым в отечественной лингвистике.

В модели, разработанной Ю.Н. Карауловым, языковая личность (далее — ЯЛ) состоит из следующих уровней:

1. Вербально-семантический уровень, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя языковой личности — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений.

2. Когнитивный уровень, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой ЯЛ в более или менее систематизированную языковую картину мира, отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства ЯЛ и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знанию, т.е. охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания.

3. Прагматический уровень включает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности ЯЛ. Этот уровень обеспечивает при анализе ЯЛ закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой действительности в мире [Караулов, 2010: 39–42].

Последующие исследования других лингвистов направлены на переосмысление и уточнение структуры, предложенной ученым.

Так, развивая идеи Ю.Н. Караулова, Г.А. Китайгородская и Н.Н. Розанова предлагают рассматривать модель языковой личности как единство следующих уровней: лексикон ЯЛ, тезаурус ЯЛ, прагматикон ЯЛ [Китайгородская, Розанова, 1995]. В свою очередь, В.А. Маслова описывает ЯЛ в виде совокупности ценностного, или мировоззренческого, культурологического и личностного компонентов [Маслова, 2001: 119].

В.И. Карасик пишет о таких аспектах ЯЛ, как ценностный, познавательный и поведенческий, которые могут применяться при рассмотрении ЯЛ в коммуникативном ракурсе [Карасик, 2002]. Отличие концепции В.И. Карасика от модели Ю.Н. Караулова состоит в том, что последняя предполагает иерархию планов — от низшего (вербально-семантического) к высшему (прагматическому), а модель В.И. Карасика основывается на принципе взаимодополненности трех аспектов, что, в свою очередь, предполагает невозможность установления между ними иерархических связей [Карасик 2002: 19].

Традиция исследования языковой личности в отечественной лингвистике основывается на нескольких методологических подходах: психолингвистическом (Г.И. Богин, Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, А.Н. Леонтьев, К.Ф. Седов, А.М. Шахнарович и др.), когнитивном (В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров, В.Я. Шабес), социолингвистическом (В.А. Аврорин, Т.И. Ерофеева, Т.В. Кочеткова), лингвокультурологическом (В.В. Воробьев, С.В. Иванова, З.З. Чанышева, В.А. Маслова, И.Э. Клюканов, В.И. Карасик), лингводидактическом (Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, Л.П. Клобукова, М.С. Силантьева, Л.Г. Саяхова).

Психолингвистический и социолингвистический подходы содержат возможности для изучения речевого поведения языковой личности в той или иной коммуникативной ситуации, общественном окружении.

В психолингвистике «языковая личность — это человек, рассматриваемый с точки зрения его способности совершать речевые действия — порождения и понимания высказываний» [Горелов, Седов, 1997: 111]. «Исследование строения дискурса позволяет выявить своеобразие речевого поведения как конкретного носителя языка, так и идиостиля группы людей» [Седов, 1999: 15–16]. В случае, когда речь идет о билингвальной/полилингвальной личности, интерес вызывает проблема выбора языка индивидом в различных ситуациях общения [Аюпова, Салихова,

2011: 177–184]. Важными характеристиками языковой личности, изучаемой в рамках данного подхода, является языковая способность и коммуникативная компетенция [Крысин, 1994, Шахнарочич, 1995].

С позиции лингвокогнитивного подхода языковая личность выступает лишь одной из ипостасей «человека говорящего» (наряду с «речевой личностью» и «коммуникативной личностью»). В данном случае «...человек говорящий, рассматриваемый в первую очередь как языковая личность, является носителем определенных знаний и представлений» [Красных, 1998: 18]. С позиции такой «знаниевой» парадигмы составляющей научной (когнитивной) картины мира является концепт (Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев и др.) — «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров, 2009: 159]. Изучение концептов и их объединений, представленных в языковом сознании личности, способов их репрезентации в ее дискурсе является перспективным направлением в теории языковой личности.

Лингвокультурологический подход к изучению языковой личности получил наибольшее распространение, что связано с активным становлением одноименного направления в лингвистике в конце XX — начале XXI в. В лингвокультурологическом аспекте «языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры» [Воробьев, 2011: 235]. Для изучения языковой личности предлагаются лингвокультурологические категории, которые, «...будучи актуализированными в речи, <...> обладают идентифицирующей силой, маркируя говорящего как члена того или лингвокультурного сообщества, как равноправного пользователя лингвокультурным кодом» [Иванова, Чанышева, 2010: 80].

Лингводидактический подход базируется на представлении о языковой личности, формирующейся в процессе реализации ее деятельностно-коммуникативных потребностей, что находит применение в методике обучения языку (русскому и/или родному). Формирование именно такой языковой личности

предусмотрено в современной образовательной среде в рамках предлагаемого методистами компетентностного подхода [Саяхова, 2009], который лег в основу, например, лингвокультурологической концепции обучения башкирскому языку и родным языкам в образовательных учреждениях Республики Башкортостан [Самситова, 2010]. Продолжаются исследования языковой личности, функционирующей в сфере высшей школы: «В сфере профессиональной деятельности филолог <...> представленный <...> в качестве репрезентанта педагогического и научного дискурса, выступает как элитарная языковая личность или личность, стремящаяся к элитарному типу речевой культуры», — отмечает М.С. Силантьева [Силантьева, 2012: 6].

Работа над развитием теории языковой личности в отечественной лингвистике ведется в рамках различных научных школ.

1. Проект «Русская языковая личность» под руководством Ю.Н. Караулова, работа над которым началась с составления Ассоциативного тезауруса русского языка и объединила ученых, работающих в Москве, Твери, Заволжье, а также идейных последователей Ю.Н. Караулова в других городах России. Исследования представителей данной научной школы позволили реконструировать ассоциативно-вербальную сеть ЯЛ, выявить универсальные национальные составляющие языковой картины мира. В настоящее время участники проекта работают по следующим направлениям:

– когнитивные и концептуальные структуры языкового сознания личности и их эволюция с изменением национальной культуры и общества (В.В. Красных, Д.Б. Гудков);

– этнокультурная специфика языковой личности — языковые показатели русской картины мира, ментальности и русского национального характера (Н.В. Уфимцева, Н.Л. Чулкина);

– межкультурное и межэтническое сопоставление языкового сознания — типологические параметры; полевые исследования, составление и анализ многоязычных ассоциативных словарей (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова, А.А. Воейкова);

– речевой образ повседневного языкового существования носителя русского языка; составлена типология языковых личностей: социальные, территориальные, исторические, профессиональные, гендерные, возрастные вариации (М.Н. Панова, Е.С. Ощепкова);

– языковая личность художника слова; текстовые ассоциативные поля как инвариант художественного перевода (М.М. Коробова, И.В. Ружицкий) [Языковая личность: ... 2006].

2. Волгоградская лингвистическая школа в настоящее время работает в рамках лингвокультурологического и дискурсивно-персоналогического направлений. Развивая теорию языковой личности, волгоградские ученые предложили и более широкое понятие — *лингвокультурный типаж*, понимаемый как обобщенные образы личностей, «чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества» [Дмитриева, 2007: 76]. С введением данного понятия в лингвистике появились описания таких типажей, как «английский дворецкий» [Бондаренко, 2009], чиновник [Щеглова, 2010], французский буржуа, французский модник [Дмитриева, 2007] и др.

3. Ученые, исследующие языковую личность в рамках Саратовской школы, акцентируют внимание на функционировании русского языка, его системе в действии, в реальной жизни, в разных сферах и средах общения; изучают функционально-стилевую дифференциацию языка в ее конкретных проявлениях, в том числе в СМИ, в обиходе, в научных и художественных текстах и т.д.; в устной, письменной и интернет-речи; социальную дифференциацию (речь ученых, писателей, актеров, предпринимателей, молодежи и т.д.). Кроме того, ведется работа по выявлению факторов, влияющих на изменения в функционировании языка: фактор личности говорящего/пишущего, фактор адресата, ситуации речи и т.д. [Кормилицына, Сиротина, 2007].

Результаты исследований ЯЛ отражены в трудах К.Ф. Седова [Седов, 1999], О.Н. Паршиной [Паршина, 2005], М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротиной [Сиротина, 2001; Кормилицына, Сиротина, 2007], В.Е. Гольдина [Сиротина, Гольдин, 1993] и других представителей данной лингвистической школы.

4. Работа Белгородской школы лингвоперсоналогии раскрывает коммуникативный, когнитивный, этнокультурный аспекты языковой личности, что отражено в трудах, посвященных изучению французской языковой личности [Седых, 2013], языковой личности музыканта [Быканова, 2014], женщины-писателя [Турина, 2011] и др.

5. Сибирская школа лингвоперсоналогии (рук. Н.Д. Голев) ведет активную работу по изучению феномена языковой личности

в ментально-психологическом аспекте. Данная школа объединяет исследователей из разных городов региона: Барнаула, Бийска, Кемерово, Киселевска, Красноярска, Лесосибирска, Новоалтайска, Новосибирска, Омска, Томска. Результаты работы Сибирской школы лингвоперсонологии находят отражение в серии трудов в области моделирования языковой личности и ее языкового портретирования на основе различных параметров: уровневых, лингвокогнитивных, жанровых и социально-речевых [Башкова, 2000; Башкова, 2015; Голев, 2004; Голев, Шпильная, 2015; Головина, 2008; Ким, 2016; Лебедева, 2013; Языковая личность ..., 2016].

Типология ЯЛ может строиться на различных основаниях. Выделение тех или иных типов ЯЛ зависит от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы) [Карасик, 1994: 2–7].

С позиции этнокультурной лингвистики выделяют типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Условно можно разграничить типы языковых личностей следующим образом [Карасик, 2003]:

а) человек, для которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде;

б) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде; здесь мы говорим о ксенолекте, т.е. той разновидности языка, которой пользуются, например, эмигранты, либо люди, длительно живущие в чужой стране, а также те, кто пользуется языком международного общения в целях естественной коммуникации, к примеру, ученые, выступающие по-английски на конференции в Японии;

в) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения.

Подробная психологическая классификация ЯЛ описана в исследовании С.С. Сухих. Предлагается выделять экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности. На первом уровне знаковая деятельность коммуниканта может быть активной, созерцательной, убеждающей, сомневающейся, голословной, на втором — конкретно или абстрактно вербализующей опыт, на третьем — проявляющей себя юмористично или буквально, конфликтно или кооперативно,

директивно или интегративно, центрированно или децентрированно [Сухих, 1998: 17].

По типу речевой культуры О.Б. Сиротинина выделяет следующие типы ЯЛ: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный и фамильярно-разговорный [Сиротинина, Гольдин, 1993; Сиротинина, 2001].

Представители *элитарной речевой культуры* характеризуются богатством как пассивного, так и активного словарного запаса, логичностью изложения мыслей, соблюдением норм языка, а также учитывают функционально-стилевую дифференциацию литературного языка. Речевая культура элитарного типа основана и на широком охвате сознанием говорящего (пишущего) разнообразных прецедентных текстов, имеющих общекультурное значение. Именно на такие тексты носитель элитарного типа речевой культуры ориентируется в своей речи [Сиротинина, 2001].

Среднелитературный тип воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте. Носители среднелитературного типа, как правило, владеют двумя функциональными разновидностями литературного языка — разговорной речью и одним из функциональных стилей, необходимых профессионально: ученые — научным, журналисты — публицистическим и т.д. Данный тип предполагает соблюдение норм литературного языка, даже стремление к большей «литературности», но при отсутствии необходимых знаний это приводит к искаженным представлениям о правильности, злоупотреблению книжными и иностранными словами. При этом характерной чертой среднелитературного типа является принципиальная удовлетворенность своим интеллектуальным багажом, отсутствие потребности в расширении своих знаний и умений, тем более в их проверке [Там же].

Литературно-разговорный и фамильярно-разговорный типы речевой культуры начали складываться как самостоятельные в 90-х гг. XX в. Их носители характеризуются владением только разговорной системой общения, которая используется ими в любой обстановке, в том числе и официальной. Своей стилиевой и стилистической монотонностью всегда сниженной речи «разговорные» типы сближаются с просторечным типом речевой культуры [Сиротинина, 2001] и различаются степенью сниженности речи. И в том, и в другом типе наблюдается огромное количество используемых в речи жаргонизмов, но в фамильярно-разговорном усиливается доля грубых слов и просторечных элементов [Там же].

В аспекте интерпретационного функционирования текста Л.Г. Ким выделяет интерпретационные стратегии — комплекс ментально-речевых действий, используемых в процессе смыслочитывания интерпретируемого и смыслопостроения интерпретирующего текстов и направленных на достижение коммуникативного результата [Ким, 2016: 71]. В соответствии с выбором той или иной стратегии типы языковой личности интерпретатора текста именуется следующим образом: а) холистическая и элементаристская; б) рационально-логическая и интуитивно-чувственная; в) языковая и метаязыковая; г) семантическая и прагматическая; д) доверяющая и недоверяющая; е) копиальная и креативная; ж) игровая и нейгровая.

В последние годы в научной литературе нередко встречается употребление термина «коммуникативная личность». В зависимости от понимания природы речевой коммуникации понятие «коммуникативная личность» трактуется исследователями по-разному.

По мнению В.Б. Кашкина, коммуникативная личность есть «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессе коммуникации как коммуникативная компетенция индивида. Коммуникативная личность — содержание, центр и единство коммуникативных актов, направленных на другие коммуникативные личности, коммуникативный деятель» [Кашкин, 2000: 127].

Согласно В.В. Красных, коммуникативной личностью является «конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации» [Красных, 1998: 17].

В понимании В.И. Карасика коммуникативная личность является обобщенным образом носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, установок и поведенческих реакций [Карасик, 2002: 19]. Признаки, которыми характеризуется коммуникативная личность, можно рассматривать в трех аспектах, упомянутых при рассмотрении структуры языковой личности: ценностном, познавательном и поведенческом. В ценностный план коммуникативной личности входят этические и утилитарные нормы поведения, присущие определенному этносу в конкретный период. Существуют общечеловеческие ценности, ценности, присущие определенному типу

цивилизации, ценности, характеризующие определенный этнос или подгруппы внутри этноса, а также ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности [Карасик, 2002]. Познавательный (когнитивный) план коммуникативной личности выявляется путем анализа картины мира, свойственной ей. К поведенческому плану коммуникативной личности относится специфический набор намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения. Аспекты коммуникативной личности, предлагаемые В.И. Карасиком, соотносятся с трехуровневой моделью языковой личности как Ю.Н. Караулова, так и Г.А. Китайгородской, Н.Н. Розановой. Эти характеристики могут рассматриваться в социолингвистическом аспекте (индексы речи мужчин и женщин, детей и взрослых, говорящих на родном/неродном языках, и др.) и прагмалингвистическом (речеактовые, интерактивные, дискурсивные ходы в естественном общении людей) [Карасик, 2002].

Поскольку термин «коммуникативная личность» употребляется часто в качестве синонима термина «языковая личность», С.Н. Плотникова предприняла попытку разграничить данные понятия. Языковая личность — это человек: а) обладающий языковой способностью (т.е. владеющий тем или иным естественным языком и способный овладевать новыми языками); б) сделавший тот или иной язык пространством своего языкового существования [Плотникова, 2008а]. Один и тот же человек может совмещать в себе разные языковые личности, количество которых зависит от того, сколькими языками владеет этот человек. Языковые личности в одном человеке не будут идентичными, поскольку у каждой из них может быть по-разному сформирована коммуникативная компетенция: различия в лексическом запасе, грамматических и синтаксических структурах и др. Коммуникативная личность — это языковая личность, которая участвует в процессе коммуникации, т.е. в реальном или виртуальном взаимодействии с другим человеком или другими людьми. Исходя из общепринятой модели коммуникативного акта, под коммуникативной личностью следует понимать адресанта или адресата. Обмен сообщениями между ними может происходить непосредственно, когда они находятся в физическом контакте друг с другом, и опосредованно, когда они удалены друг от друга в пространстве или во времени [Плотникова 2008б]. Различие языковой и коммуникативной личности исследователь видит в том, что коммуникативная

личность в одном коммуникативном пространстве может пользоваться разными языками, например, при наличии переводчика. В подобных условиях коммуникатор представляет собой одну коммуникативную личность и две языковые личности, одну из которых заменяет переводчик.

В связи с вопросом соотношения языка и речи отечественными исследователями был выдвинут тезис о наличии феномена *речевой личности* [Карасик, 1994; Клобукова, 1995; Клобукова, 1997; Прохоров, 1997].

Данное понятие было введено в сферу лингводидактики, но затем оказалось одним из объектов теории речевой деятельности. Так, Ю.Е. Прохоров соотносит понятия «языковая личность» и «речевая личность» следующим образом: «...если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения» [Прохоров, 1997: 59]. Дополнив бинарную оппозицию Ю.Е. Прохорова, В.В. Красных пишет о триаде понятий: *языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность* [Красных, 2003]. Соотнося упомянутые понятия языковой личности и речевой личности со структурой речевой деятельности по А.А. Леонтьеву [Леонтьев, 1969а: 23; Леонтьев, 1969б: 56–66; Леонтьев, 2014], исследователь следующим образом определяет рассматриваемые понятия, фокусируясь на функциональном аспекте их соотношения: языковая личность — личность, которая проявляется в речевой деятельности, обладает определенной совокупностью знаний и представлений; речевая личность — личность, которая реализует себя в коммуникации, выбирает и осуществляет ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар лингвистических и экстралингвистических средств; коммуникативная личность — конкретная личность как участник конкретного коммуникативного акта, который реально действует в реальной коммуникации [Красных, 2003].

Изучив историю становления в лингвистике понятия «языковая личность», мы представили структуру данного феномена, его компоненты и различные подходы к его изучению. Следует констатировать, что многообразие подходов к изучению феномена языковой личности обуславливает появление новых оснований для классификации языковых личностей и, как следствие, создает условия для расширения и модификации возможных типологий ЯЛ.

Существующее разграничение понятий «языковая личность», «речевая личность» и «коммуникативная личность» представляется несколько искусственным, поскольку языковая личность выступает как многогранный объект изучения, отдельные аспекты которого проявляются в языковом, речевом и коммуникативном планах, получающих номинации, соответственно, языковой, речевой и коммуникативной личностей.

В фокусе нашего исследования находится языковая личность женщины в социально-релевантной роли матери, описание которой производится на основе наблюдений за ее речевыми и коммуникативными проявлениями.

1.2. Методология речевого портретирования в современной лингвоперсонологии

1.2.1. Языковая личность и ее речевой портрет

Языковая личность изучается в рамках многих научных дисциплин, однако для такой области науки, как *лингвоперсонология*, языковая личность является основным объектом изучения. Одним из методов лингвоперсонологии выступает метод речевого портретирования, опирающийся на факты, доступные непосредственному наблюдению.

По мнению Е.В. Иванцовой, лингвоперсонологическое портретирование в отвлечении от его частных разновидностей может трактоваться как планомерное описание особенностей языковой личности в соответствии с поставленными исследователем задачами. Речевой (языковой) портрет является результатом такого описания [Иванцова, 2008: 39].

Само понятие «речевой портрет» не находит универсального определения. Так, в лингвистических словарях Д.Э. Розенталя и О.С. Ахмановой данное терминологическое сочетание дается только в литературоведческом контексте в качестве синонима для термина «речевая характеристика»:

1) речевая характеристика (речевой портрет) — подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей. В одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других

средством речевой характеристики служат просторечная лексика и необработанный синтаксис и т.д., а также излюбленные «словечки» и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны (общекультурной, социальной, профессиональной и т.п.) [Розенталь, 2001: 417];

2) речевая характеристика персонажей (речевой портрет) — особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т.д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения [Ахманова, 2004: 385].

В ряде лингвистических словарей данная терминологическая единица отсутствует [Марузо, 2004]. В работах современных отечественных исследователей речевой портрет определяется следующим образом:

1) С.В. Леорда понимает речевой портрет как воплощенную в речи языковую личность определенной социальной общности [Леорда, 2006: 6];

2) согласно Ю.С. Алышевой, под речевым портретом понимается набор определенных качеств языковой личности, формирующихся на базе ведущих коммуникативных свойств ее речи [Алышева, 2012: 8]. Данные качества являются воплощением в речи психологических свойств говорящего и манифестируются определенным набором разноуровневых языковых средств при ведущей роли интонации;

3) С.В. Мамаева [Мамаева, 2014] определяет вышеупомянутое понятие как характеристику речи отдельной (индивидуальной) или коллективной языковой личности, включающей в себя детальное описание речевых особенностей на всех уровнях реализации языковой компетенции с учетом специфики речевого поведения, особенностей личных (психологических) и профессиональных (социальных) параметров и т.п. Примечательно, что такую важную характеристику речевого портрета, как необходимость описания речевого поведения объекта портретирования, называл также и Л.П. Крысин в своем труде по описанию речевого портрета интеллигента [Крысин, 2001], о котором подробнее будет сказано в п. 1.2.2;

4) по мнению Т.П. Тарасенко, речевой портрет — это «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [цит. по: Мухортов, 2014: 169];

5) Г.Г. Матвеева определяет речевой портрет как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах

для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева, 1993: 87].

В вышеперечисленных определениях мы видим общие признаки, которые приписываются данному понятию: исследователи выделяют личность как объект наблюдения, ее речь — как материал исследования. Существуют и различия в трактовке данного понятия: у С.В. Мамаевой, С.В. Леорды, Т.П. Тарасенко и Г.Г. Матвеевой наблюдаемая специфика в речи есть видимый результат проявления отличительных характеристик языковой личности, у Ю.С. Алышевой наблюдаемое в речи рассматривается как процесс формирования языковой личности — то, что есть в речи, затем интериоризируется и меняет языковую личность; у С.В. Мамаевой, С.В. Леорды, Т.П. Тарасенко наличествует элемент социальной группы, а у Ю.С. Алышевой, Г.Г. Матвеевой речевой портрет не соотносится с социальной ролью личности.

Основу рабочего определения речевого портрета в монографии составляют ключевые положения концепции С.В. Мамаевой, которые дополнены прагматической характеристикой, введенной в трудах Г.Г. Матвеевой.

Таким образом, опираясь на работы этих двух авторов, определим речевой портрет следующим образом: это характеристика речи отдельной (индивидуальной) или коллективной языковой личности, включающая в себя описание ее речевых особенностей на всех уровнях реализации языковой компетенции, а также специфики речевого поведения с учетом психологических и социальных параметров, оказывающих влияние на выбор личностью стратегий воздействия на слушающего.

1.2.2. Методологические подходы к речевому портретированию

Первым шагом к разработке социально-речевого портрета явилась идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х гг. XX в. М.В. Пановым и воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII — XX вв. [Крысин, 2001]. Каждый из таких портретов отражал не только манеру произношения отдельного носителя языка, но и особенности речи определенной общественной среды, которой принадлежал портретируемый. При этом учитывались такие параметры, как принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, наличие локальных речевых особенностей.

Идею М.В. Панова развивали М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Н.Н. Розанова, Т.М. Николаева и др. В дальнейшем наряду с фонетическим уровнем языка стали изучаться лексические, синтаксические, морфологические особенности, а также тактики речевого поведения отдельной личности.

Л.П. Крысин предпринял попытку описания целого социального слоя — современной русской интеллигенции [Крысин, 2001]. Его исследование содержит следующие разделы, которые в совокупности образуют очертания речевого портрета современного русского интеллигента:

- вычленение «диагностирующих пятен» (термин Т.М. Николаевой, цитируемый Л.П. Крысиным) [Николаева, 1991: 73–75] — социально маркированных способов выбора и употребления языковых средств и особенностей речевого поведения;

- признание неоднородности описываемого объекта и неединственности типичного представителя этого социального слоя (гуманитарная и техническая интеллигенция; старшее, среднее и молодое поколения; территориально маркированные слои интеллигенции);

- особенности языковых единиц (фонетических и лексико-семантических) и речевого поведения (переключение в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения, употребление прецедентных феноменов);

- использование языковой игры для создания условий, в которых могут быть реализованы потенциальные возможности портретируемого как языковой личности — необходимость ответить шуткой на шутку, отразить речевую агрессию и др.;

- необходимость обращаться к различным по статусу речевым произведениям (научные тексты, мемуары, публицистика, непосредственная запись речи информантов) для комплексного изучения языковой личности [Крысин, 2001].

Следует отметить, что приведенные выше параметры не являются универсальной схемой составления речевого портрета.

Е.А. Земская выделяет три направления создания речевых портретов (в частности, портретов эмигрантов):

- выявление общих особенностей языка у совокупности лиц, объединенных каким-либо существенным признаком;

- описание речи отдельных лиц, создание речевых портретов, учитывающих не только общие черты, присущие человеку

как представителю разных множеств и подмножеств, но и его индивидуальные черты, присущие ему как личности;

– изучение судьбы отдельных особенностей языка, влияние на них сложной совокупности социолингвистических факторов [Земская, 2001: 114–131].

Метод речевого портретирования отличается широкой вариативностью. Чтобы показать, какие особенности языка и речи учитываются при составлении речевых портретов, считаем необходимым проанализировать типы и направления данного вида лингвистических исследований. Е.В. Иванцова [Иванцова, 2008] предлагает типологизировать методологические подходы к речевому портретированию следующим образом:

1. **Социолингвистические** портреты предполагают поярусное описание языковой системы информанта и его речевого поведения. Учитываются биографические сведения изучаемой языковой личности, фиксируются индивидуальные особенности речи, выделяются черты, типичные для той или иной социальной группы. К речевым портретам данного направления относятся, например, портреты эмигрантов и носителей диалекта (см. [Блохинская, 2013]). Частным случаем социолингвистического портрета является **уровневый** вариант портретирования, который предполагает изучение одного из уровней языковой системы индивида (фонетическое, лексическое, грамматическое портретирование). Авторы, публикующие подобные работы, определяют жанр описания как «фрагмент портрета», «некоторые черты речевого портрета» (см. [Голубева, 2012]).

2. **Лингвоисторический** портрет предполагает описание языковых личностей на широком культурно-историческом фоне, например речевой портрет представителей восточной ветви русской эмиграции (см. [Оглезнева, 2004]).

3. Для **коммуникативного** портрета предметом исследования являются индивидуальные характеристики речевого поведения (см. [Гаврилова, 2012]).

4. О.Н. Паршина выделяет **риторический** тип портрета, результатом которого является описание речевого поведения субъекта в сочетании с оценкой его языковых компетенций [Современный русский язык... 2003].

5. В методике портретирования, разработанной К.Ф. Седовым, устанавливается связь между особенностями речи индивида (в первую очередь риторическими компетенциями) и глубинными